

Новоселов Виктор Геннадьевич

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКА И НЕОГРАНИЧЕННЫЙ СЕМИОЗИС

Данная статья посвящена семиотическому анализу понятия "интерпретация". На основании анализа делается вывод, что знак может отображать реальность только в процессе человеческой деятельности. Значение знака есть способ его употребления и интерпретации. Таким образом, анализ содержания становится культурно-обусловленной операцией. Процесс неограниченного семиозиса показывает, как означивание, постоянно соотнося один знак с другим или с рядом других знаков, обрисовывает элементы культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 160-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Беззубова О. В.** Музей как объект философско-антропологического исследования // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века (к 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана): материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 18 мая 2001 г.). Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 12. С. 179-183.
2. **Валери П.** Проблема музеев // Валери П. Об искусстве. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1993. С. 205-208.
3. **Лобаданов А. П.** Основы семиотики. Семиотика искусства: лекции по семиотике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. Вып. I. 215 с.
4. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2001. С. 150-390.
5. **Махлина С. Т.** Словарь по семиотике культуры. СПб.: Искусство–СПБ, 2009. 752 с.
6. **Столяров Б. А.** Музейная педагогика: история, теория, практика: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 216 с.
7. **Томсон О. И.** «Волшебный кристалл», или Медийное искусство в традиционном музее // Мир музея. 2010. № 2. С. 26-27.
8. <http://www.sovr.ru/museum/history> (дата обращения: 27.05.2011).

MUSEUM POSITION AND ROLE IN CULTURE SEMIOTIC SPACE

Ol'ga Stanislavovna Mishurovskaya
Department of Philosophy and Sociology
Murmansk State Classical University
Mishurovskaya_O@mail.ru

The author discusses the semiotic research of museum, considers its position and role in culture semiotic space and pays special attention to the analysis of museum specificity as a sign and to the features of its functioning in semiosphere.

Key words and phrases: semiotics; sign; semiosphere; museum; semiotic system.

УДК 124.2

Данная статья посвящена семиотическому анализу понятия «интерпретация». На основании анализа делается вывод, что знак может отображать реальность только в процессе человеческой деятельности. Значение знака есть способ его употребления и интерпретации. Таким образом, анализ содержания становится культурно-обусловленной операцией. Процесс неограниченного семиозиса показывает, как означивание, постоянно соотнося один знак с другим или с рядом других знаков, обрисовывает элементы культуры.

Ключевые слова и фразы: знак; значение; смысл; интерпретация; обозначение; означивание.

Виктор Геннадьевич Новоселов, к. филос. н.
Кафедра философии
Новосибирский государственный технический университет
viktor-novoselov@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКА И НЕОГРАНИЧЕННЫЙ СЕМИОЗИС[©]

Интерпретация знака – это операция, достигаемая при замене исходного знака другим знаком или набором знаков. Значение любого знака, в частности слова, неопределимо без обращения к вербальному коду. К тому же никакие отсылки к объектам не могут объяснить феномен значения, хотя и могут помочь установить отдельное значение имени. Кардинальное свойство знака – передавать значение – может быть сведено к понятию интерпретируемости или же переводимости знака, т.е. к возможности представить его содержание другими, более эксплицитными, развернутыми знаками.

Знаковая функция соотносит данное выражение с данным содержанием. Содержание определяется культурой вне зависимости от того, согласуется оно или нет с данным состоянием мира. Те образы, которые в семиотике называются *изобразительными*, или *иконическими знаками* (iconic signs), также суть выражения, соотношенные с неким содержанием. Если они обладают свойствами чего-то (или подобны чему-то), то это что-то не объект в мире или состояние мира, на который (которое) можно указать, но некое структурированное и аналитически организованное содержание. Образ (image) единорога не подобен «реальному» единорогу; мы узнаём его не благодаря нашему опыту восприятия «реальных» единорогов, но потому, что он имеет черты, входящие в определение единорога, выработанное данной культурой в рамках конкретной системы содержаний. То же можно сказать и в связи с указательными приемами [1, с. 25].

Согласно У. Эко, самодостаточность универсума содержания, предоставляемого данной культурой, объясняет, почему знаками можно пользоваться так, чтобы посредством их говорить неправду. «О знаковой

функции мы вправе говорить тогда, когда нечто можно использовать для того, чтобы лгать (и, следовательно, для разработки идеологий, для создания произведений искусства и т.д.). То, что называется знаком (т.е. то, что для кого-то выступает вместо чего-то иного в некоем отношении или качестве), является таковым лишь потому, что мы можем использовать знак для отсылки к фиктивному состоянию мира. Даже *указатель* можно подделать так, чтобы он обозначал событие, которое не имело места и в действительности никогда не порождало свой предполагаемый знак. Знаки можно использовать для того, чтобы лгать, потому что они отсылают к объектам или состояниям мира лишь *опосредованно*. Непосредственно они отсылают лишь к определенному содержанию. Таким образом, можно сказать, что отношение между *signifiant* и *signifie* (или между *знаком-носителем* значения и *означаемым*, или между *знаком* и *его значением*) автономно и не требует наличия некоего обозначаемого объекта как элемента своего определения. Поэтому возможно разработать теорию означивания (a theory of signification) на основе чисто интенциональной семантики. При этом нельзя сказать, что у экстенциональной семантики нет никакой функции. Напротив, она контролирует соотношение между знаковой функцией (a sign-function) и данным состоянием мира, когда знаки используются для того, чтобы говорить или упоминать о чем-то. Но любая экстенциональная семантика может быть разработана (и процедуры высказывания или упоминания о чем-то могут быть обеспечены) только потому, что интенциональная семантика возможна как самодостаточный культурный конструкт (т.е. как код или система кодов)» [4, с. 25].

Ч. С. Пирс вводит различие между *знаком* (*sign*) и *репрезентативом* (*representamen*). Когда он говорит, что использует слова «sign» и «representamen» по-разному, он, очевидно, имеет в виду, что *sign* – это некоторый токен, нечто конкретное, произнесенное – конкретное вхождение выражения, используемое в конкретном процессе коммуникации и/или референции, тогда как *representamen* – это *mun* (the type), которому данный код приписывает определенное содержание посредством определенных *интерпретантов*.

Пирс пишет: «Под знаком я понимаю всё, что любым способом передает любое определенное понятие (notion) о некоем объекте, поскольку мы знаем такие передатчики мысли именно под этим названием. И вот я начинаю с этой знакомой идеи и произвожу как можно лучший анализ того, что существенно для знака, и [затем] я определяю репрезентатив как всё то, что подходит под этот анализ... В частности, все знаки передают понятия человеческим сознаниям; но я не вижу причины, почему это должно быть верно для всех репрезентативов» [Там же, с. 136].

Эко комментирует этот отрывок как предположение о различии между теорией обозначения (сигнификации) и теорией коммуникации. Репрезентативы – это типовые выражения, соотносимые в данной культуре с тем или иным типовым содержанием, вне зависимости от того, используются ли они для действительной коммуникации кого-то с кем-то.

В этом смысле значение есть, в своем первичном понимании, перевод знака в другую систему знаков, а значение данного знака есть тот знак, в который данный знак должен быть переведен. Таким образом, интерпретация посредством интерпретантов – это способ, которым знак манифестируется (проявляется) как значение.

Интерпретант – это то, что знак порождает в интерпретаторе, но, поскольку наличие интерпретатора не входит существенной частью в определение интерпретанта, этот последний должен рассматриваться прежде всего как интерпретант, открывающийся в правильном понимании самого знака и обычно называемый *значением* (the meaning) знака.

Итак, различаясь как формальные объекты различных семиотических подходов и как рассматриваемые с различных точек зрения, значение и интерпретант – это, по сути дела, одно и то же, поскольку невозможно определить значение иначе, чем как ряд интерпретантов.

Однако, подчеркивает Эко, интерпретант – это не только значение термина, но еще и результат умозаключения, выведенный из определенных посылок. Должны ли мы полагать, что интерпретант имеет более широкий и более сложный смысл, чем значение? Значение некоего высказывания, как и его интерпретант, не исчерпывает всех возможностей данного высказывания быть преобразованным в другие утверждения [3, с. 34].

Итак, значение каким-то образом вытекает из посылки. Еще более обобщая, можно сказать, что значение – это все, что семантически подразумевается знаком. Иначе говоря, согласно Пирсу, значение знака содержит в себе в зачаточной форме все те тексты, в которые данный знак может быть вставлен. Знак есть текстовая матрица.

Однако в таком случае понятие «значение» оказывается слишком широким. Оно прилагается не к отдельным терминам, а к посылкам и умозаключениям. Иными словами, теория значения и интерпретантов относится не только к умозаключениям, но и к отдельным терминам, и – в свете этой теории – содержание отдельного термина становится чем-то похожим на энциклопедию.

Таким образом, символ обозначает (denotes) нечто индивидуальное и означает (signifies) некое свойство, каковое свойство и есть общее значение. Различие между обозначением (denoting,) и означиванием (signifying) связано с различием между экстенционалом и интенционалом, между шириной и глубиной или же между денотатом и значением (meaning), т.е. между отсылкой, (референцией) к чему-то и означиванием чего-то. Понятие «глубина» связано с понятием «информация», которая есть мера предикации. И все эти понятия относятся не только к высказываниям и умозаключениям, но также и к ремам, и к отдельным терминам.

Признаки данного термина включают в себя всю глубину другого термина, тем самым увеличивается содержательная определенность первого термина. Термин может иметь и необходимые, и случайные («акцидентные») признаки, эти признаки составляют субстанциальную глубину термина. В этом смысле глубина

термина (или его интенционал) – это сумма интенциональных или семантических признаков (помет), которые характеризуют его содержание [4, с. 129].

Эта совокупность признаков (или помет) не может не разрастаться по мере роста нашего знания об объектах. Рема, подобно магниту, притягивает к себе все те новые черты и признаки, которые процесс познания ей приписывает. Как пишет Пирс, «каждый символ – это нечто живое, в самом прямом, отнюдь не фигуральном смысле. Тело символа меняется медленно, но его значение неизбежно растет, инкорпорируя новые элементы и отбрасывая старые» [3, с. 45]. Таким образом, термин сам по себе – это статья энциклопедии, содержащая все те характеристики, которые он приобретает с каждым новым общим высказыванием.

Следовательно, каждый термин – это зачаточное высказывание (каждая *рема* потенциально представляет собой *дицисигмум*, в который она может быть впоследствии вставлена). Значение логического термина – это рудиментарное утверждение, так же как высказывание – это рудиментарное умозаключение. В этом и состоит фундаментальный принцип интерпретации, т.е. причина того, что каждый знак производит свои собственные интерпретанты.

Термин – это рудиментарное высказывание, потому что он – пустая [в смысле: незаполненная] форма высказывания.

Таким образом, всякий знак интерпретирует другой знак, и основное (базовое) условие семиозиса – это именно отсылка от одного знака к другому, бесконечная регрессия. При таком подходе всякий интерпретант данного знака, будучи в свою очередь также знаком, становится временным метасемиотическим конструктом, выступающим (именно и только в данном случае) в качестве *explicans'a* по отношению к интерпретируемому *explicatum'u*, – и, в свою очередь, может быть интерпретируемым другим знаком, который выступит по отношению к нему в качестве интерпретанта.

Бесконечность этого ряда, однако, могла бы сделать семантическую энциклопедию неосуществимой, вновь и вновь лишая попытки семантического анализа всякой надежды на успешное завершение. Но, по мнению Эко, у энциклопедии есть логический предел, сама она не может быть бесконечной: этот предел – универсум дискурса [Там же, с. 273].

Неограниченный универсум охватил бы всю область логически возможного. Наш дискурс редко соотносится с этим неограниченным универсумом: мы имеем в виду или физически возможное, или исторически существующее, или мир какого-нибудь художественного вымысла, или еще какой-нибудь ограниченный универсум.

Понятие «универсум дискурса» наряду с понятием «возможный мир» связывает проблему семантической репрезентации с проблемой контекстуальных предпочтений и открывает интересные перспективы в области современной теории знаковых систем.

Каким образом знак может отображать реальность, относящуюся к внешнему миру, если по природе вещей он на это не способен? Как возможно связывать знак с объектом, если для того, чтобы распознать объект, необходимо иметь прежний опыт его восприятия, а знак не обеспечивает ни знакомства, ни распознавания объекта? Это возможно только в процессе деятельности. Значение символа заключается в наборе действий, призванных произвести определенные ощутимые эффекты.

Знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую привычку, некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Иными словами, соотношение между значением и репрезентативом приобретает форму закона (закономерности); с другой стороны, понимать знак значит (понимать и) знать, что надо делать, чтобы создать такую конкретную ситуацию, в которой можно обрести чувственный (перцептуальный) опыт того объекта, к которому отсылает данный знак.

Знак может произвести интерпретанты двух видов: интерпретант эмоциональный и интерпретант энергетический. При этом энергетическая реакция сама не требует интерпретации; скорее, она создает (очевидно, при дальнейших повторениях) новую привычку. Иначе говоря, восприняв ряд знаков (и по-разному проинтерпретировав их), мы изменяем наше поведение, нашу деятельность в мире – навсегда или на время... В этой точке неограниченный семиозис приостанавливается (именно приостанавливается: остановка не конечна во временном, хронологическом смысле, потому что вся наша обыденная жизнь пронизана такими изменениями привычек). Обмен знаками приводит к изменению опыта; отсутствующее звено между семиозисом и физической реальностью как практическим действием найдено. Теория интерпретантов не идеалистична.

Понимать знак как правило (которое объясняется посредством ряда интерпретантов данного знака) – это значит приобрести привычку действовать согласно предписанию, исходящему от данного знака [Там же, с. 215].

Таким образом, действие, повторно совершаемое в ответ на данный знак, становится, в свою очередь, новым знаком, репрезентативом закона, интерпретирующим первый знак и кладущим начало новому и нескончаемому процессу интерпретации.

Рассматриваемый в этой перспективе круг семиозиса замыкается в каждый миг – и не замыкается никогда. Система семиотических (знаковых, кодовых) систем, которая может показаться нереальным миром культуры, идеалистически отделенным от действительности, на самом деле побуждает людей воздействовать на мир; и каждое такое преобразующее мир воздействие, в свою очередь, всегда и непременно само превращается в новые знаки и кладет начало новому процессу семиозиса.

В исследованиях по структурной и компонентной семантике был разработан метод чисто металингвистического описания содержания как структурированной сети взаимоотнопроставленных единиц, которые, будучи избирательно и иерархически организованы, образуют компонентный спектр данного предмета

описания. Но являются ли эти компоненты всего лишь теоретическими конструктами? Конечно ли их число (образуют ли они конечное множество)? Являются ли компоненты словесного выражения также, в свою очередь, словесными выражениями? Понятие «интерпретант» разрешает все эти проблемы.

Если репрезентатив отсылает к данному элементу содержания, а сам этот элемент состоит из более мелких и «более элементарных» единиц, то во всем этом можно разобраться лишь с помощью опосредующих знаков (знаков-посредников).

В контексте общей семиотической теории (которая рассматривает не только словесные выражения, но любые виды означивания [*signification*], а также отношения между различными системами) компонентный анализ словесного термина не должен ограничивать круг его интерпретантов одними лишь лингвистическими терминами.

Семантическая теория может анализировать содержание выражения различными способами:

- 1) подыскивая эквивалентное выражение в другой семиотической субстанции (слово *собака* – изображение собаки);
- 2) подыскивая все эквивалентные выражения в той же семиотической системе (синонимия);
- 3) указывая на возможность взаимного перевода между разными кодами, относящимися к одной и той же семиотической субстанции (перевод с одного языка на другой);
- 4) заменяя данное выражение более аналитическим определением;
- 5) перечисляя все эмоциональные коннотации, привычно связываемые с данным выражением в данной культуре и поэтому особым образом кодируемые (так, *лев* имеет коннотации *свирепость* и *лютость*).

Но никакой семантический анализ не может быть полным, если он не анализирует словесные выражения посредством визуальных, предметных и поведенческих интерпретантов (и наоборот).

С точки зрения У. Эко, понятие «интерпретант» спасает категорию «содержание» (как и категорию «значение») от превращения в неуловимую платоновскую абстракцию или в неуследимый ментальный акт. Поскольку интерпретант отождествляется с любым закодированным и осознаваемым свойством содержания, а эти свойства могут быть идентифицированы лишь в виде других знаков (т.е. других репрезентативов), элементы содержания становятся чем-то физически проверяемым. Каждая данная культура в любой сфере своей жизнедеятельности обнаруживает устоявшиеся соотношения (корреляции) между разными репрезентативами (или выражениями), так что каждый из них в своей черед становится интерпретантом другого.

Интерпретант – это не только то, что отождествляется с элементарными семантическими компонентами. На самом деле, понятие *интерпретант* гораздо богаче. Даже те усилия по производству умозаключений, на которые подвигает нас какая-нибудь фраза или целая книга, следует считать интерпретацией первоначального семиотического стимула.

Процесс неограниченного семиозиса показывает нам, как означивание (*signification*), постоянно соотнося один знак с другим или с рядом других знаков, обрисовывает *элементы культуры* асимптотически, никогда не позволяя прикоснуться к ним непосредственно, но делая их доступными через посредничество других элементов. Так, мы никогда не обязаны замещать *элемент культуры* чем-то, что не есть семиотическая сущность, и никакой *элемент культуры* не должен быть объясняем через какую-либо платоновскую, психическую или предметную сущность. Семиозис объясняет себя сам: это постоянное круговращение есть нормальное условие означивания (*signification*), и это круговращение позволяет по ходу процессов коммуникации использовать знаки для того, чтобы говорить о предметах и состояниях мира.

Список литературы

1. Лебедев М. В. Онтологические проблемы референции. М., 2001. 198 с.
2. Лебедев М. В., Черняк А. З. Стабильность языкового значения. М., 1998. 190 с.
3. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб., 2006. 544 с.
4. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста. СПб., 2005. 502 с.

SIGN INTERPRETATION PROBLEM AND UNLIMITED SEMIOSIS

Viktor Gennad'evich Novoselov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Novosibirsk State Technical University
viktor-novoselov@yandex.ru

The author presents the semiotic analysis of the notion “interpretation” and basing on the analysis concludes that sign may reflect reality only in the process of human activity. Sign denotation is the way of its use and interpretation. Thus, content analysis is a culturally-conditioned operation. The process of unlimited semiosis shows how denotation, constantly correlating one sign with another or several other signs, outlines culture elements.

Key words and phrases: sign; meaning; implication; interpretation; designation; denotation.